

Александр Рудазов

ШУМЕРСКИЕ НОЧИ

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
Р83

Рудазов А.

Р83 Шумерские ночи / А. Рудазов — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 394 с.

Было время, когда Шумер был чем-то большим, нежели горстка городов-государств. Было время, когда Шумер был империей. Забытая эпоха, последний отблеск древнего мира и древних чар. Стояла в центре града Вавилона башня Гильдии Магов, правил в своем дворце император-полубог Энмеркар, и выползала по ночам на охоту нечистая сила. Воздух дышал волшебством.

Именно в ту эпоху родился и вырос Креол, сын Креола, совсем юный еще маг, которому суждено однажды стать кем-то гораздо большим и сотворить великие дела. Пока еще он ничего не сотворил. Но в его жизни уже происходят интересные события — и о некоторых из них рассказывается в этой книге.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74125-0

© Александр Рудазов, 2021
© Т8RUGRAM, оформление, 2021

ДЕТСТВО АРХИМАГОВ

Город Симуррум стоит на Нижнем Забе, притоке великого Тигра. Эти места — часть провинции Мадга, что лежит на северо-востоке империи Шумер. Здесь правит железная десница императора Энмеркара и божественная воля всемогущего Мардука.

Вчера Шумер отмечал наступления месяца гуд-си-са. Это хороший месяц, приятный и спокойный. В нем не проводится полевых работ, нет и важных храмовых праздников. Гугали¹ в этом месяце обычно устраивают большую чистку оросительных каналов, а лугали любят с кем-нибудь повоевать, но простого люда все это никак не касается.

Мастер Ахухуту всегда любил этот месяц. Сейчас он сидит в своей лавке, ушами следя за обычным гомоном кара, а глазами — за великолепной чашей, принимающей под его руками окончательный облик. За такое чудо можно будет взять немало сиклей²...

В лавке Ахухуту лучшая керамика во всем Симурруме — никто другой не умеет так искусно выбить из глиняного шара нужную форму, а затем обжечь ее в горне. У Ахухуту от-

¹ Гугаль — управляющий орошением.

² Сикль — мера веса, 1/120 кг. Употреблялся также в качестве денежной единицы.

личный горн — двухъярусный, с четырьмя поддувалами. За каждым поддувалом трудится специальный раб — и горе ему, если огонь ослабнет хоть на минуту!

Еще мастер Ахухуту знает множество секретов, чтобы посуда при обжиге не трескалась — он подмешивает туда не только солому, навоз и шамот, как все гончары, но и золу, редкие растения, толченый уголь, даже толченые раковины. Никто не знает, для чего Ахухуту так щедро платит уличным мальчишкам за сбор улиток — хороший мастер не раскрывает секретов кому попало.

Но главное, что так ценят покупатели в вазах и чашах Ахухуту — их роспись. Сверло-бутероль в руках искусного гончара — продолжение его пальцев, оно так и мелькает по керамическим стенкам, оставляя за собой тонкие линии, на глазах становящиеся прекрасным рисунком. Звери, рыбы, растения, люди и даже боги — все подвластно художнику, все подчиняется умелой руке. Каждый сосуд Ахухуту — целый рассказ, история. Настоящий ценитель не купит чашу с уже знакомой историей — он всякий раз требует нового. И мастер Ахухуту дает ему новое — он еще ни разу не повторился, не опустился до копирования того, что уже было.

Каждое творение Ахухуту — уникально.

Умелый мастер отложил в сторону бутероль и взял кисточку. Чтобы рисунок получил настоящую глубину и красоту, его нужно раскрасить. Здесь не обойтись без точного глаза — ошибись чуть-чуть в оттенке, и картинка не оживет, останется всего лишь пятном краски. Ахухуту пристально вглядывается в линии на гладкой поверхности чаши, но уши по-прежнему впитывают окружающий шум, вычлняя из него все мало-мальски интересное.

В шумерских городах основная торговля идет в речной гавани — каре. Здесь встречаются все — купцы, рыбаки, скотоводы, гонцы. Шум гавани — это настоящая музыка, если уметь ее слушать. Плещет вода, скрипят весла гребцов, зато-

ны всегда полны парусными ладьями и речными баржами. Товары ввозят и вывозят, отправляют вверх и вниз по реке. На пристани постоянно толчется народ — у каждого свое дело, каждый чем-то занят.

В лавку ежеминутно заходят покупатели, рассматривая готовые сосуды и перекидываясь с хозяином словом-другим. Лавка Ахухуту расположена в хорошем месте — у центрального канала, возле самого горла. Слева питейный дом госпожи Нганду — это выгодное соседство, там всегда много посетителей. Справа финиковый сад, принадлежащий храму Нанны, — это тоже выгодное соседство, слуги лунного бога частенько делают заказы у Ахухуту.

У берега собралась гомонящая толпа — стражники суда кого-то казнят. Конечно, женщину — только женщин положено казнить через утопление. Мужчин убивают топором, и не здесь, а рядом с воротами суда. Если же преступник не мужчина и не женщина (скажем, евнух или содомит), его сажают на раскаленный медный кол.

Лучше всех приходится рабам — их вообще нельзя казнить. Ведь раб — это вещь, имущество. Разве можно казнить неодушевленный предмет?

Единственное, что слегка раздражает почтенного мастера — стайка кар-кида, «шляющихся по рынку». Проклятые блудницы собрались именно возле его лавки и отвлекают посетителей глупым смехом и непристойными выкриками. Куда смотрит наместник, почему позволяет это непотребство? Ведь в Симуруме есть многочисленная община жриц-харимту — священных блудниц богини Инанны, да будет вечно благословенно ее любвеобильное чрево. Они хороши лицом и прекрасны телом, часто моются, носят дорогие одежды, пользуются лучшей косметикой, искусны во всех видах наслаждения и совсем недорого берут за свои услуги. Так зачем же нужны еще и эти уличные шлюхи, лишь разносящие дурные болезни?

Была бы на то воля Ахухуту, всех бы их давно отправили на дно затона...

Вернулся один из рабов-разносчиков, почтительно поклонился хозяину, положил перед ним снизку серебряных колец-сиклей и прикрыл ладонями лицо, ожидая новых повелений. Ахухуту пересчитал монеты, убедился, что заказчик честно заплатил за свою вазу, и указал рабу уже подготовленный сверток.

— Доставишь почтенному Думузигамилю, что живет направо от ворот священной ограды, рядом со школой писцов, — распорядился мастер.

— Повинуюсь, хозяин, — склонил голову раб, взваливая на плечи погребальный сосуд.

У несчастного Думузигамиля недавно скончался малолетний сын — он заказал самую лучшую урну. Жаль его, конечно, но Ахухуту здесь улыбнулась удача — если бы ребенок прожил еще хотя бы несколько месяцев, то вошел бы в совершеннолетие, и тогда для похорон потребовалась бы уже не урна, а плетеная циновка.

— Потом вернешься за другим заказом, — неохотно приказал Ахухуту, бросая взгляд в угол.

Там уже третий день лежат четыре безупречно расписанных чаши большого размера, приготовленные для старого мага-кассита, живущего на окраине. Конечно, заказчик даже не подумал прийти за ними сам — где это видано, чтобы маг утруждал ноги по такому низменному делу? Не присылает и рабов — проклятый старик полагает, что мастер-горшечник должен доставить его заказ прямо к порогу.

Ахухуту вовсе не против — но за такую услугу следует добавить несколько монет. Однако этот скряга, держащийся за свои сикли, как нищий за чашу для подаяний, наотрез отказывается хоть чуть-чуть приплатить.

А ссориться с магом — дело не самое умное, даже для столь уважаемого мастера...

Среди зевак, глазеющих на казнь, внимание Ахухуту привлек мальчишка, отрешенно жующий медовую лепешку с изюмом. Лет четырнадцати-пятнадцати, худой, смуглый, черноволосый, одетый в один только набедренник-юбку, он показался мастеру смутно знакомым. Кажется, почтенный Ахухуту уже видел его здесь несколько дней назад...

— Отрок! Отрок, подойди сюда! — крикнул мастер, уверившись, что не ошибся.

Зычный бас пузатого горшечника с легкостью перекрыл обычный шум кара. На зов обернулись десятка два мальчишек разного возраста, но почти все тут же вернулись к прежним занятиям. К лавке подошел только один — тот, которого звали.

— Чем могу служить, почтенный мастер? — даже не подумал склонить голову мальчишка.

Нахальные серые глаза таращатся прямо на лицо Ахухуту. Однако, судя по длинным волосам, отрок принадлежит к свободным авилумам, а покрой сандалий указывает на знатное происхождение, так что мастер не стал отчитывать наглеца.

— Поправь меня, если ошибусь, отрок, но не тебя ли я некоторое время назад видел вместе с касситским абгалем¹ Джи Беш, коего близкие друзья именуют Халаем?

— Меня, почтенный мастер, — кивнул мальчишка, сунув в рот последний кусок лепешки и облизнув пальцы.

— Ты, вероятно, его новый ученик? Сколько тебе лет? Четырнадцать, не так ли?.. Под каким именем ты известен?

— Мне пятнадцать лет, почтенный мастер. Отец оказал мне честь, даровав собственное имя — Креол. И я действительно ученик старого демонолога Халая...

— Тогда это очень кстати, что я увидел тебя здесь и сейчас, — широко ухмыльнулся Ахухуту. — У меня к тебе пору-

¹ Абгаль — мудрец, ученый человек.

чение, отрок. Видишь эту корзину с чашами? Это заказ твоего учителя, он уже оплачен. Возьми его и отнеси туда, где живешь — думаю, тебе не нужно рассказывать дорогу?

— Мастер, я не раб и не слуга, я не должен носить грузы по твоему распоряжению, — холодно ответил подросток.

— Не забывай добавлять «почтенный», отрок, — педантично поправил его Ахухуту. — Ты прав, я не могу тебя заставить. Но если ты не исполнишь моей просьбы, при следующей встрече с абгалеи Джи Беш я непременно упомяну, что его новый ученик дерзок, непочтителен, ленив и хулит своего учителя...

— Я его не хулил! — вспыхнул Креол, гневно сжимая кулаки.

— Верно. Но кому он поверит — тебе или мне?

Ученик мага шумно засопел, исподлобья взирая на подлого гончара. Тот же упер в бока ручищи-окорока и бахисто расхохотался. Огромный живот заколыхался, словно куча сырого теста.

— Хорошо, я отнесу твои чаши, почтенный мастер, — крайне неохотно пробурчал Креол, входя в лавку.

— Вот и славно. Будь всегда трудолюбив и почтителен, отрок, и ты многого добьешься в жизни, — добродушно улыбнулся Ахухуту, вновь берясь за бутероль.

Мастер остался очень доволен неожиданной удачей. Пусть ученик старого скряги немного потрудится — ему это всяко не повредит. А для своих рабов Ахухуту найдет применение и получше, чем таскаться по жаре через весь город.

Худенький подросток с трудом поволок тяжеленную корзину, кое-как взгромоздив ее на плечи. Похоже, старый Халай не слишком сытно кормит своих учеников — кожа плотно обтягивает хребет и ребра мальчишки, лопатки выступают парой крошечных крылышек.